

ГОР ТИМУРОВИЧ Народ крайне неоднозначно относится к тому, что вы сделали в 1992 году. Как считаете, изменится это мнение когда-либо?

- Я думаю, история все расставит на свои места. Опыт показывает, что первые годы после краха социализма всегда непростые. Кому-то приходится брать на себя ответственность. Дело это тяжелое, политических дивидендов не сулящее, но так как делать его надо, то рано или поздно основные задачи первого этапа оказываются решенными. Возникает база для экономического роста. Одновременно и люди убеждаются в том, что происшедшее принесло отнюдь не только невзгоды. Классический пример - Польша, где реформы начались на два года раньше, чем в России. Их вели, правда, более последовательно. Теперь там есть экономический рост, и поляки к своим реформам относятся иначе, чем в 1991 - 1993 годах. Так будет и у нас!

- Да, но такого обвального криминала, по-моему, в России никогда не было.

- Давайте не строить иллюзий. Рост преступности в Советском Союзе начался не с реформ 90-х годов, а уже в конце 80-х. Что можно было бы сделать для того, чтобы сегодня криминализация была меньше? Идеально, если бы реформы начались гораздо раньше, не дожидаясь краха социализма. Соответственно и общество не испытывало бы таких перегрузок.

- Но речь идет о новой преступности.

- Надо всегда различать преступность массовую и коррупцию в государственном аппарате. Если сегодня перечитать нашу программу 1991 - 1992 годов, то становится понятно, за что нас критиковали. За недооценку роли государства, за то, что мы не понимали необходимости государственного регулирования. После декабря 1992 года, когда мы ушли и пришло новое правительство, позунг усиления государственного регулирования стал еще более популярным, "регулировать" пытались много. В реальной жизни, на практике за всем этим чаще всего стоит только одно - увеличение прав чиновника распределять и делить по своему усмотрению. А это означает сращивание бизнеса и части государственного аппарата, то есть коррупцию, взятки, неравенство правил игры и так далее. Сегодня, когда еще одно правительство убедилось, что это произошло, началась новая волна либеральных реформ.

- В чем она заключается?

- В том же самом, что было в нашей программе 1992 года: в прозрачности механизмов принятия государственных решений, в отказе государства от вмешательства в те сферы, в которых оно действительно не нужно, в концентрации его внимания на выполнении тех функций, которые оно должно выполнять в рыночной экономике: тендерные механизмы государственных заказов, формирование казначейской системы исполнения бюджетов. Речь идет о необходимых реформах, которые по-

зволяют отделить-собственность от власти и сделать правила игры равными.

- Вы возглавляете партию "Демократический выбор России". Не кажется ли вам, что слово "демократ" сейчас становится чуть ли не ругательством?

- Если говорить о демократии, о своем отношении к ней, то я рад тому, что попытки сделать из слова "демократ" ругательство не получилась, что народ все-таки оказался достаточно чутким, чтобы отделить отдельных вороватых "демократов" от демократии в целом.

- Не кажется ли вам, что "отдельные" приняли массовый характер?

- Я бы с этим не согласился. На самом деле массовый характер приобрело воровство бывших инструкторов райкомов партий, приватизировавших заводы и разваливших их. Истинных демократов, в критические

Егор ГАЙДАР:

«ТАК БУДЕТ!»

моменты доказывавших, что они не только на словах демократы, во власти очень и очень мало. Поэтому массового характера воровства среди демократов просто не может быть. Тут другое: есть люди, в том числе и в правоохранительной системе, которые страстно хотят представить дело именно так.

- Как вы относитесь к тому, что наука, культура и образование у нас находятся в роли Золушки - федеральный бюджет на 1998 год вновь оставил их на "голомодном" пайке?

- В прошлом парламенте, где нас, я имею в виду фракцию ДВР, было больше, мы каждый раз вносили предложения об увеличении доли в бюджете науки, культуры, образования. О сокращении ассигнований по другим статьям и увеличении по этим. И каждый раз выяснялось, что депутаты тех самых политических партий, которые все время клянутся в своей преданности науке, культуре, образованию, в тот единственный момент, когда они могли бы сказать свое слово, просто отсутствовали. Почему? Потому что на самом деле наука, культура и образование оказались политически слабо организованными, подверженными самообману. Те, чьи интересы должны защищать депутаты, наивно верят людям, обещающим "что-то хорошее", не думая при этом, а будут ли они выполнять свои обещания?

- Как же верить, когда жить не на что?

- Совершенно точно. И именно поэтому коммунисты всегда голосовали за увеличение субсидий, например, сельскому хозяйству. Подчеркиваю, я не имею ничего против села, я против воровства в сельском хозяйстве (одной из наиболее криминальных статей в бюджете). А вот подвинуть тех же коммунистов на серьезное решение (в рамках имеющихся ресурсов), на увеличение финансирования социальной сферы - занятие на редкость трудное. Беда в том, что наша интеллигенция до сих пор политически пассивна, она не осознает своих фундаментальных интересов. А интересы эти проявляются не тогда, когда ведутся "сладкие разговоры", а только один раз - в процессе голосования бюджета. Пока интеллигенции не станет ясно, что же на самом деле друзья культуры, науки, образования и то, какая скрытая борьба идет против финансирования культуры, до тех пор подвижек не будет.

- Не кажется ли вам, что до сих пор многие голосующие вообще далеки от культуры?

- Они просто не понимают, что это такое! Знают лишь, что лоббистские возможности культуры невелики, значит, и связываться нечего.

- Егор Тимурович, почему так разобщены демократические партии и движения?

- Давайте рассмотрим, а что они собой представляют? До выборов 1996 года для меня это было предельно понятно. Демократические силы - все те, кто не хочет прихода к власти союза коммунистов и радикальных националистов, а антидемократические - те, кто хочет.

В этой связи я считал, что наши разногласия, выходящие за этот уровень, второстепенны. Но сегодня возникает вопрос: не против кого, а за что? И тут выясняется, что по существу принципиальных вопросов демократы занимают разные позиции. Вот Явлинский, например, в своей президентской программе предлагает вдвое увеличить государственные расходы. В переводе на экономический язык это значит - вдвое повышать налоги. Иначе не бывает. Так устроена экономика. Вдвое повысить налоги - значит угробить нашу экономику. Мои же соратники и я предлагаем радикально реструктурировать государственные расходы: снять неэффективные государственные обязательства, сократить их масштабы, сконцентрировать задачи государства только на том, что оно действительно должно выполнять, рационализировать все виды расходов как базу для снижения налогового бремени. И теперь мы действительно принципиальные идеологические противники с Явлинским по этому вопросу.

- Как вы считаете, фракция "Яблоко" права, что полностью проголосовала против принятия Федерального закона "О бюджете на 1998 год"?

- Фракция "Яблоко" занимает вполне понятную позицию - она всегда голосует против любого бюджета - меняются лишь аргументы.

Беседу вел **Николай МАНИКИН.**

16 мая 1998 года

подписывается

май 98